

Короткая встреча с Киной Муратовой

Режиссер ищет деньги на фильм о «второстепенных людях»

Общая газета. — 2000. —
— 6-12 июля — с. 10

На кинофестивале «Послание к человеку» короткометражка Киры Муратовой «Письмо в Америку» не получила ничего. Говорят, она заплакала, когда увидела, какого качества копию прислали из Киева в Петербург. Но на следующий день в Доме кино, как и положено культовому режиссеру, чьи фильмы «Короткие встречи» и «Долгие проводы», «Познавая белый свет» и «Астенический синдром» уже стали классикой, Муратова выглядела победительницей. Маленькая, прямая, независимая, вся в черном, она была похожа на королеву в изгнании. Может, поэтому в каждом обращении к ней вопросе она неизменно видела подвох, недоброе стремление уличить ее в позорной слабости. Говорила дерзостью — и тут же ослепительно улыбалась: спасибо за внимание к моей второстепенной персоне! Именно так, «Второстепенные люди», называется и ее новый проект. Расшифровать название она отказалась, заметив только, что и себя к таким людям причисляет.

— Кто же тогда, по-вашему, первостепенные люди?

— Те, кто преуспевают. Не только материально — всячески. Вот я — режиссер и должна снимать кино, но не снимаю. Значит, не преуспеваю.

— Вы сняли «Письмо в Америку» потому, что не было денег на полнометражный фильм?

— Мне очень нравится короткометражная форма хотя бы потому, что любое дисциплинарное начало чуждо искусству. В последние годы мне все чаще кажется, что режиссеры «большого кино» искусствен-

но натягивают метраж, без нужды прибегая к многословию. И любая информация у них — эстетическая или нравственная — почти всегда исчерпывает себя раньше, чем кончается кино. Дальше идет пустое разжевывание сюжета. А может, я люблю «короткий метр» просто в силу своей нетерпеливости.

— Про «сверхзадачу» фильма не спрашиваю, зная вашу «любовь» к этому слову...

— Я никогда не искала «зерно» и не ставила «сверхзадачу», за исключением единственного случая: когда в одном из эпизодов «Астенического синдрома» снимала живодечно, простодушно полагала, что если громко прокричать об этом на весь свет, таких живодечно станет меньше. Разве не ясно без «сверхзадачи», что мой маленький фильм — это просто очерк жизни провинциальных интеллигентов, у которых никак не получается письмо в Америку?..

— Фильм «Познавая белый свет», где сыграла юная Нина Русланова, вы более двадцати лет назад снимали на «Ленфильме». Сейчас вас что-нибудь связывает с этой студией?

— Только воспоминания. И еще я обожаю фильмы питерского режиссера Сокурова, особенно «Молох». На мой взгляд, это идеальное мужское кино.

— А вы делите кино на мужское и женское?

— Почему нет? Мужчины в принципе не знают, что такое женщина, и наоборот. Вообще, женская режиссура — очень печальный феномен. Думаю, женщина этой профессии не должна иметь ни детей, ни... Если бы знать заранее! Но все узнаешь только по мере...

Из этого в моей жизни произошло много всяких ужасов.

— Ваш фильм «Три истории» многие называют трилогией ужасов.

— Глупость какая! К тому же трилогия — это три фильма, а у меня — одна картина, состоящая из трех частей, по сути — трех короткометражек. Любая из них может существовать отдельно. Просто уж они так хорошо «слиплись»... И умоляю, не спрашивайте меня в связи с этим про Ренату Литвинову! Смешно говорить о том, что я ее «сделала» или ей «помогла». Это не помощь, а моя обязанность режиссера. Просто я всегда искала и находила именно тех, кто мне нужен: нужного сценариста, оператора, актера.

— Сегодня на чью-то реплику: «Талант за деньги не купишь» — вы очень горячо возражали. Почему?

— Изменить призванию очень трудно, если оно, конечно, есть. Те, для кого снимать кино стало не просто привычкой, но манией, талантливые они или нет, но не могут без этого существовать: у них особая нервная система. Многие в такой ситуации готовы за деньги идти на компромиссы, делая так называемое коммерческое кино. Не хочу их судить, потому что верно: даже если человеку кажется, что он совершает сделку, в процессе работы он все равно вернется к себе.

— Вы как-то сказали загадочную фразу: «С демонами надо заигрывать». Вам приходилось это делать?

— Всю жизнь этим занимаюсь. Не из любви к процессу, а чтобы делать то, что люблю. Прimitивные народы, как известно, приносят жертвы своим демонам, а у нас в этой роли традиционно выступает власть.

— Вы не похожи на человека, который может просить.

— Я вовсе не горда, и если бы верила в то, что стоит попросить — и тебе дадут, я бы только и делала, что просила.

— Что происходит с Одесской киностудией?

— Она существует только как территория и в ближайшее время будет пушена с торгов. В Одессе иногда дают деньги на музыку, юмор, эстраду. На кино — никогда.

— А вообще на Украине сегодня трудно снимать кино?

— Везде очень трудно, а на Украине просто невозможно. Кинопроизводство рассыпалось, никто не хочет вкладывать в него деньги. Государство нищее, у культуры спонсорства нет. В Киеве готовы поддерживать только картины, объявленные национальными проектами, например, «Мазепу» или «Богдана Хмельницкого». Я снимаю другое кино, поэтому мне будут отвешивать поклоны, говорить комплименты, но денег не дадут. Умение их находить — особое искусство. Я им не владею, но не ишу

виноватых. Причина неудач — всегда внутри. Счастье, что я успела снять за свою жизнь двенадцать фильмов. А сколько безумно талантливых людей рядом со мной пропали совсем — спились, погибли...

— Что вы думаете о «защите звуковой среды» от русского языка, которую ведут во Львове?

— Отношусь к этому как к факту. У любых националистических проявлений — один корень: если кого-то долго давят, он звереет и начинает кусаться. А Одесса, где я живу, никогда не была чисто украинским городом. Там на улице как говорили, так и говорят по-русски.

— Вы опущаете себя культовым режиссером?

— А что в этом толку? Словопрения в мой адрес только бесят или, наоборот, навевают скуку. Моя цель и мое удовольствие — снимать кино, а слава этому ничуть не помогает. По крайней мере, здесь. Поэтому я ненавижу газетную шумиху. Цель любого интервьюера — вскрыть тебя, как консервную банку. Но со мной это не удастся.

И не надо. Понятно же, что «письмо в Америку» у ее героев не получается, потому что она одновременно и любит, и ненавидит тех, кто уехал. Понятно, что задыхается без работы. Возможно, несколько обескуражена тем, с какой быстротой ее место в VIP-зоне постсоветского кино обернулось «зоной строгого режима». Ее как бы нет, и мы прилежно себе прививаем «астенический синдром», нечувствительность к чужой боли — эту очень модную болезнь.

Беседовала
Татьяна ПОЗНЯК